

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

ПРИНЦИПЫ ЭКОЛОГИИ

<https://ecopri.ru>

№ 4 (25). Декабрь, 2017

Главный редактор

А. В. Коросов

Редакционный совет

В. Н. Большаков
А. В. Воронин
Э. В. Ивантер
Н. Н. Немова
Г. С. Розенберг
А. Ф. Титов
Г. С. Антипина
В. В. Вапиров
А. М. Макаров

**Редакционная
коллегия**

Т. О. Волкова
Е. П. Иешко
В. А. Илюха
Н. М. Калинкина
J. P. Kurhinen
А. Ю. Мейгал
J. B. Jakovlev
B. Krasnov
A. Gugolek
В. К. Шитиков
В. Н. Якимов

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
Е. В. Голубев
С. Л. Смирнова
Н. Д. Чернышева
М. Л. Киреева

ISSN 2304-6465

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: ecopri@petsu.ru

<https://ecopri.ru>

УДК 929

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА: ГЕРПЕТОЛОГ БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕСТИНСКИЙ

**ЧЕРЛИН
Владимир
Александрович**

*д. б. н., Зоопарк СПб (197198, Санкт-Петербург, парк
Александровский, 1), cherlin51@mail.ru*

Ключевые

слова:

биография,
герпетология,
змеи

Получена:

14 ноября 2017
года

Подписана к печати:

05 декабря 2017
года

Аннотация. Борис Владимирович Пестинский – герпетолог, чье имя, к сожалению, в нашей истории затерялось. Решив восстановить справедливость, мы в данной статье рассказываем о жизни этого замечательного человека. Он делил свой интерес между живописью и герпетологией. Окончив Академию художеств в Ленинграде, он писал в основном портреты современников, оформлял журналы, преподавал детям рисунок. Несколько его картин находились в Русском музее. Также он занимался изучением пресмыкающихся. Он беззаветно любил Среднюю Азию. Основная часть его жизни прошла в Ташкенте, где он организовал в зоопарке отдел рептилий, а на его базе – первый в Туркестане серпентарий с регулярным взятием яда у ядовитых змей. Борис Владимирович занимался изучением их биологии, способов отлова, условий их содержания в неволе, организацией серпентария. Его учениками были молодые люди, ставшие впоследствии видными отечественными биологами.

© Петрозаводский государственный университет

Борис Владимирович Пестинский

В детстве и юности я искренне интересовался рептилиями вообще, но особенно – ядовитыми змеями. Еще в школе я подолгу сидел в библиотеках и выбирал книги, где описывались поездки по Средней Азии, экспедиции за змеями и т. п. В те годы основными источниками информации для меня были более-менее популярные или доступные для понимания книги: Брэм, 1914; Павловский, 1923, 1942; Терентьев,

Чернов, 1936, 1949; Талызин, 1939, 1963; Недялков, 1962, 1970; Ильинский, 1963; Баркаган, Перфильев, 1967; Банников и др., 1969, 1971 и др. К началу 1970-х гг., когда я уже поступил в университет, начал работать в террариуме Ленинградского зоопарка и познакомился с такими замечательными учителями и наставниками, как Лев Исаакович Хозацкий (ЛГУ) и Илья Сергеевич Даревский (ЗИН АН СССР), мне стали известны и любимы уже профессиональные публикации и авторы – Б. В. Пестинский, О. П. Богданов, Г. И. Ишунин, П. В. Терентьев (1961), С. В. Пигулевский (1975), Б. Н. Орлов и И. А. Вальцева (1977), Б. Н. Орлов (1985), А. Г. Банников и др. (1977) и многие-многие другие. На этих книгах я и все поколение молодых людей, интересовавшихся рептилиями, выросли и воспитались. Поэтому эти и некоторые другие имена стали для нас «легендарными» или, как теперь говорят, «культовыми».

В середине 80-х гг. прошлого века я, переехав из Ленинграда, жил в Ташкенте и работал в Ташкентском зоопарке вначале заведующим отделом рептилий, а позже – заместителем директора по зоологической части. Я профессиональным интересом и тесными дружескими отношениями был связан с герпетологами, которые работали в Институте зоологии и паразитологии (ИЗИП) АН Узбекской ССР. Особенно мы дружили с замечательным, серьезным герпетологом Юрием Антоновичем Чикиным. Однажды летом 1984 года он провел меня на территорию старых, уже неиспользуемых к тому времени уличных вольеров для змей (гюрз), расположенных на территории, принадлежавшей тогда институту, и показал мне искусственные зимовки для змей с контролируруемыми условиями.

Мне эта конструкция очень понравилась своей простотой и эффективностью. Снаружи все выглядело как вход в подвал. Такие подвалы устраивают для хранения продуктов в наших северных деревнях. Мы открыли дверь и вошли в ход, который небольшой лестницей с каменными ступенями спускался вниз. Высота помещения, в которое мы попали, была чуть больше роста человека. Включили свет. Лампочка осветила стены и пол, которые, как я сейчас помню, были бетонированные. В одной из стен были устроены несколько проемов. Они располагались на разной высоте, но в целом примерно на уровне головы и груди. Они имели в длину около полуметра и в высоту примерно 25 см. В проемах были установлены открывающиеся дверцы со стеклом. Проемы эти выходили в полости в почве, расположенные на разной глубине под вольером и связанные с поверхностью ходами. Также соединены были полости и между собой. Эти полости – зимовальные камеры, в которые змеи могли свободно заползти с поверхности и переползти из камеры в камеру. Поскольку камеры располагались на разной глубине, то и климатические условия в них были разными. Змеи, таким образом, имели возможность выбирать себе необходимые условия для зимовки. В камерах были установлены термометры. Включая слабый свет внутри каждой камеры, можно было контролировать положение змей, наблюдать за их поведением на зимовках и фиксировать климатические условия там, а при необходимости – изымать змей с зимовок для специальных исследований.

Идея такой зимовки меня очень вдохновила. К сожалению, Юрий Чикин, знакомя меня с зимовками в ИЗИПе, не рассказал тогда, кто и когда эти зимовки разработал и построил.

Ташкентский зоопарк во второй половине 80-х гг. планировали перенести на новую территорию. Разрабатывая проект размещения отдела рептилий в новых условиях, я запланировал уличные вольеры для разных змей и предполагал устроить в них подобные контролируемые зимовки для развертывания масштабных научных исследований. К сожалению, тогда идее этой не суждено было реализоваться, а я по ряду не зависящих от меня причин в 1989 г. вынужден был вернуться в Ленинград.

По удивительному стечению обстоятельств к настоящему моменту сложилась парадоксальная ситуация. Приезжая изредка в Ташкент и связываясь с живущими сейчас там герпетологами, которые еще работали на старой территории ИЗИПа, я не могу обнаружить среди них тех, кто помнит эти искусственные зимовки (ко времени моего первого приезда в Ташкент эти зимовки уже не использовались). Многих герпетологов уже нет. К сожалению, нет и моего друга Юрия Чикина. А другие

герпетологи не могут их вспомнить. Получается, что я, ленинградец-петербуржец, остался единственным (по крайней мере из тех, кого я знаю) живым человеком, кто помнит и воочию видел эти сооружения в Ташкентском змеепитомнике!

Уже вернувшись снова в Ленинград, я некоторое время работал в Ленинградском зоопарке в должности начальника отдела экзотариума, который включал как раз и отдел рептилий. В это время в архивах зоопарка обнаружили материалы, которые меня очень заинтересовали. Оказалось, что еще в 1931 году в Ленинградском зоопарке с помощью юннатов был организован уличный вольер для содержания рептилий, который назвали «Змеиная горка». А в этом вольере для змей была построена зимовка (!). В те годы зоопарковскими юннатами занимался герпетолог Борис Владимирович Пестинский. «Она представляла собой выгул площадью 10–12 кв. м, огороженный деревянным барьером с козырьком на высоте 1 метра. Выше барьер был надставлен сеткой, и ею же был затянут верх вольера. Барьер был углублен в почву на 30 см. Под грунтом вдоль него были проложены просмоленные бревна или доски (для предотвращения черепаших подкопов). Снаружи вольер был декорирован кусками известняка, корягами и растительностью (прихотливо изогнутой сиренью, дерновиной). В середине выгула была сделана горка, а по бокам – ходы в две камеры. Нижняя камера глубиной 90 см с диаметром по нижнему краю около 30 см, по верхнему – около 60 см заполнялась ивовыми метлами и накрывалась досками. Над ней располагалась верхняя – в виде ящика 50 X 50 см и высотой около 30 см. Предполагалось, что змеи будут уходить в нижнюю камеру, а черепахи – в верхнюю, но все рептилии чаще скапливались в верхней. Летом горка служила убежищем, а в холодное время года там зимовали ужи и черепахи. В вольере был жестяной бассейн с пробкой. Вода уходила прямо в грунт под ним (было предусмотрено специальное углубление). В спячку рептилий укладывали с середины сентября. Декоративные камни собирали с поверхности, перекапывали землю, чтобы найти спрятавшихся черепах, и всех их заталкивали в верхнее укрытие. Ходы в камеры плотно забивали, сверху горка покрывалась соломой и навозом. Открывали горку в конце апреля за 7–10 дней до майских праздников... В 1931 году... через плохо заткнутые соломой ходы среди зимы черепахи вылезли прямо на снег и погибли» (Иголкина, 1990; стр. 28). Но я знал, что организовавший эту зимовку Б. В. Пестинский позже работал и в Ташкенте, и у него есть несколько научных публикаций о ядовитых змеях. И тут у меня сложился неожиданный пазл!

Я попытался выяснить как можно больше об этом человеке – Борисе Владимировиче Пестинском. Материала, правда, оказалось очень мало. Но тем не менее я считаю своим долгом опубликовать его, потому что о талантливых людях нельзя забывать!

Борис Владимирович Пестинский родился 4 марта 1901 г. во Владивостоке в семье военнослужащего – моряка Владимира Николаевича Пестинского и его жены Елены Осиповны. Его дед – Пестинский Николай Петрович – был инженером-механиком на флоте^[1].

Мать с новорожденным Борисом в 1902 году переехала в Петербург. Впоследствии его отец также приехал в Петербург, но родители больше не соединились. Несмотря на это Борис очень любил отца и постоянно с ним общался. Владимир Николаевич Пестинский пропал без вести во время Первой мировой войны, а Елена Осиповна умерла в Ленинграде во время блокады.

Борис Владимирович был высоко одарен в художественном и музыкальном отношении. Учился и в балетном кружке. С детства увлекался биологией. Сохранился целый ряд его детских рисунков – изображения различных реальных и нереальных животных.

В 1911 г. Борис поступил в гимназию К. И. Мая. Созданная К. И. Маем система воспитания и образования предусматривала взаимное уважение и доверие учителей и учеников, постоянное взаимодействие с семьей, стремление педагогов учесть и

развить индивидуальные способности каждого ученика, научить их самостоятельно мыслить. Все это в сочетании с высоким качеством образования позволяло год за годом выпускать из стен школы высоконравственных, разносторонне развитых юношей, готовых к труду, полезному для общества. Благодаря возникшей в этом учебном заведении особой атмосфере, именовавшейся «майским духом», школа К. И. Мая, по меткому выражению одного из его выпускников, была «государством в государстве, отделенном бесконечным океаном от казенщины». Борис Владимирович закончил ее в 1919 г.

В том же году он поступил в ПГСХУМ – Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские (Петербургская академия художеств) на живописный факультет. Здесь на первом курсе он занимался в мастерской профессора Д. Н. Кадровского. Затем его руководителями были К. С. Петров-Водкин и В. Е. Савинский. В 1925 г. он окончил это учебное заведение, которое тогда уже стало Ленинградским высшим художественно-техническим институтом. Он получил звание художника-живописца. Его дипломные работы – «Диспут» и «Лыжники». Последняя была приобретена в музей ГИЗа. Одна из его картин была выставлена в Русском музее.

В 1926 г. Борис Владимирович вступил в Союз работников искусств.

В 1927 г. он работал в клубе им. Октябрьской революции. Участвовал в юбилейной выставке изобразительных искусств.

В 1928 г. вступил в члены Ленинградского филиала АХРР (Ассоциация художников революционной России). Участвовал в VII выставке «Общины художников». Работал в издательстве «Красная газета» и журналах «Вокруг света», «Юный пролетарий» и «Ленинские искры» в качестве графика-иллюстратора.

В 1929 г. Борис Владимирович участвовал от «Общины художников» в комиссии по приему картины художника И. И. Бродского «Ленин на Путиловском заводе». Принимал участие в Выставке ленинградских художников в Академии художеств.

В 1930 г. был членом ревизионной комиссии «Общины художников».

В 1931 г. от «Общины художников» работал по ликвидации прорыва на заводе «Электросила».

Б. В. Пестинский. «Мальчик со змеей»
B. V. Pestinsky. "The boy with a snake"

В 1932 г. вступил в «Цех ленинградских художников». В этом же году участвовал в Выставке советского искусства в Русском музее.

Параллельно с перечисленным Борис Владимирович работал по живописи в

основном в области портрета. Он создал целый ряд работ этого жанра, в частности в это время был написан портрет «Хариты Грановской», который он считал своей лучшей работой. Этот портрет был утерян перед началом Второй мировой войны при пересылке из Ташкента в Москву на выставку в Третьяковскую галерею.

В это же время были созданы другие работы – «Портрет татарского мальчика», «Портрет Славы Кириченко» и т. п. Тогда же Борис Владимирович написал картину «Рыбаки», которая была выставлена в Русском музее.

Б. В. Пестинский. Эскиз к картине «Лыжники». 1922 г. Бумага серая, уголь, белила

B. V. Pestinsky. Sketch for the picture "Skiers". 1922. Gray paper, charcoal, white

Автопортрет Б. В. Пестинского. 30–40-е годы
Self-portrait of B. V. Pestinsky. 30–40s

Б. В. Пестинский. Портрет Славы Кириченко
B. V. Pestinskiy. Portrait of Slava Kirichenko

Судя по манере письма, на живопись Бориса Владимировича очень сильно повлиял его учитель по Академии художеств – Кузьма Сергеевич Петров-Водкин.

Одновременно с живописью Борис Владимирович Пестинский занимался биологией.

В 1920 г. он поступил в Географический институт по зоологическому профилю, однако вскоре занятия забросил. Борис Владимирович продолжил изучать зоологию самостоятельно, а также под руководством профессора кафедры зоологии позвоночных ЛГУ А. А. Гавриленко.

Б. В. Пестинский не только увлекался изучением зоологии, но и работал как зоолог в Ленинградском зоологическом саду и на Лахтинской экскурсионной станции, которая была организована по распоряжению Народного комиссариата просвещения весной 1919 г. во дворце Стенбок-Ферморов профессором Павлом Владимировичем Виттенбургом. Станция стала уникальным явлением в деле развития отечественного краеведения. Б. В. Пестинский работал на станции в «Музее природы Северного побережья Невской губы» и в организованном при его участии отделе герпетологии. Также Борис Владимирович вел кружки юннатов, работал и в других учреждениях. У него было много учеников, которые впоследствии работали в различных учебных и научно-исследовательских учреждениях СССР.

В 1930 году П. В. Виттенбург был арестован по так называемому Академическому делу^[2] и приговорен к расстрелу, замененному десятью годами лишения свободы. В марте 1932 г. Лахтинская экскурсионная станция была расформирована. Также был расформирован «Музей природы северного побережья Невской губы».

Б. В. Пестинский был арестован 20 марта 1932 г. Приговорен: В/С КОГПУ 17 июня 1932 г., обв.: 58-10, 11; приговор – выслать на 3 года в Среднюю Азию (Источник: Архив НИЦ «Мемориал». Санкт-Петербург).

Борис Владимирович Пестинский был выслан в Среднюю Азию на 3 года. В Средней Азии он жил в г. Бек-Буди (ныне г. Карши). В Бек-Буди он выполнял временные работы в качестве художника. Там он вел изостудию и написал портреты узбекских мальчиков, которые в настоящее время находятся в Русском музее. В то время в захолустьях Средней Азии господствовало убеждение, что человек, изображенный на портрете (двойник изображенного человека), должен умереть. Аллах накажет! Мало того, однажды произошел трагический случай с написанием эскизного портрета мальчика-узбека для создания образа юного Навои. Мальчик вскоре умер. Родители мальчика обвинили Пестинского в его смерти. Приходили к нему, грозились убить. Поэтому художнику было очень сложно получить у родителей мальчиков разрешение, чтобы они позировали. Однако Борис Владимирович быстро изучил узбекский язык и сумел завоевать доверие местного населения. К нему прониклись уважением и полюбили так, что разрешили ему писать портреты своих детей.

В 1934 г. Бориса Владимировича Пестинского перевели в Ташкент. Здесь он устроился в Узбекистанский зоологический сад Комитета наук при СНК УзССР. Б. В.

Пестинский был освобожден 21 марта 1935 г., но не вернулся в Ленинград, а остался жить в Ташкенте.

В 1935 г. по инициативе Бориса Владимировича Пестинского в Ташкентском зоологическом саду был организован отдел герпетологии (земноводных и пресмыкающихся), который он и возглавил совместно с профессором фармакологии Н. Н. Компанцевым. На базе отдела Б. В. Пестинский создал первый в Средней Азии серпентарий, где было организовано регулярное взятие яда у змей. Борис Владимирович занимался научными исследованиями биологии ядовитых змей и свойств их ядов, изучал особенности жизни в неволе других рептилий. Разработал первую научно обоснованную «Инструкцию для лаборантов по взятию яда», которая всегда висела на стене в лаборатории:

«1) Никогда не приступай к работе, если чувствуешь себя нездоровым или чем-нибудь расстроенным.

2) Не отвлекай своего внимания во время работ разговорами и мыслями о постороннем.

3) Никогда не входи в помещение без высоких сапог из кожи.

4) Когда чувствуешь усталость, делай перерыв.

5) Выпуская использованную змею, быстро отдергивай руку...»

Все свои работы он проводил в контакте с медиками, которые изучали обезболивающие свойства ядов змей.

В 1937 году Борис Владимирович Пестинский приезжает в Ленинград на некоторое время и 14 февраля женится на Татьяне Владимировне Петровой, с которой познакомился еще во время работы на Лахтинской экскурсионной станции. Супруги вместе возвращаются в Ташкент.

По словам писателя Виктора Гана, родители которого дружили с Борисом Владимировичем, его мать рассказывала: «Зайдем в горы, куда подальше да покрасивее. А Пестинский, Борис Владимирович, жука огромного с усищами поймает, в рот к себе заправит и... хрум-хрум! – на наших глазах его за милую душу съест! Мы ах-ох! А он нам рассказывает, что этот жук был очень вкусный и полезный. Да еще полатыни, как он называется, скажет. И по-узбекски, и по-русски. Очень образованный и необычный он был!»

За годы работы с пресмыкающимися Б. В. Пестинский был 4 раза укушен ядовитыми змеями: обыкновенной гадюкой еще в конце 20-х гг. в Ленинграде, эфой в 1935 г., щитомордником в 1936 г., гюрзой в 1937 г. в Ташкенте во время взятия яда. Отец Виктора Гана рассказывал, что на столе в лаборатории у Пестинского стоял графин с водкой на этот случай. Для противоядия. Спирт выпивался им после укуса, словно вода. А графин был двухлитровый. После укуса гюрзы Борис Владимирович пролежал четырнадцать дней в коме с тремором. Но находил в себе силы описывать свое состояние. Подошвы ног почернели, кожа с них сошла. В результате последнего укуса в указательном пальце правой руки началась гангрена, и его пришлось ампутировать. Отсутствие этого пальца (которым при работе брались змеи) лишило его возможности продолжать работу с ними.

Образ зоолога Бориса Владимировича Пестинского можно обнаружить и в популярной литературе для юношества.

Именно о нем рассказ С. Нариньяни «Эфа» (Рассказы о мужестве, 1936). Это произведение само по себе представляет безусловный интерес. Кто такой этот Нариньяни? Насколько он был знаком с Пестинским? Во всяком случае, если бы до публикации этого короткого рассказа Борис Владимирович мог его посмотреть, думаю, он был бы немало удивлен! Каждый абзац рассказа – это сюжет для, извините, абсурдного фантастического рассказа... Приведу лишь один из многих примеров этого

«литературного шедевра»: «Завтрак был для эфы каким-то таинством, к которому она приступала не сразу. Эфа медленно вытягивалась во всю длину своего серебристого тела и застывала на месте, устремив свои золотистые глаза на жертву. Маленькие мыши, до этого спокойно бегавшие рядом с ней, моментально преобразались. Какая-то непонятная сила сковывала их, и они покорно шли к раскрытой пасти эфы...» (стр. 88). Ну и для чего тогда эфе такой сильный яд? Я прямо так себе и представляю эту ужасную картину из мультфильма «Маугли», когда обезьяны-бандероли строем идут в пасть питона Каа... И такие перлы почти в каждом абзаце!!! Пестинский проходит через весь рассказ как отважный и самоотверженный человек, но... И главное, зачем, рассказывая несведущему в биологии читателю всю эту чепуху, ставить имя реального и вполне нормального человека в абсурдные ситуации, которых вообще не может быть! Не думаю, чтобы сам Борис Владимирович мог это одобрить...

В рассказе К. Станюковича «День в тигровой балке» (Рассказ об одной экспедиции, 1962) также упоминается Б. В. Пестинский и его юннаты из Ташкентского зоопарка, один из которых поймал в горах кобру и принес ее в зоопарк. Но никакой существенной информации о самом Пестинском в рассказе нет.

В. М. Смирин в очерке «О зарисовках животных» (Смирин, Смирин, 1991) вспоминал о Б. В. Пестинском: «...В возрасте одиннадцати лет впервые стал рисовать в зоопарке. Тогда же я стал заниматься рисунком в изостудии Ташкентского дворца пионеров. Мои занятия там продолжались недолго – наш руководитель заболел и вскоре умер. Об этом своем первом учителе мне хочется вспомнить. Это был Борис Владимирович Пестинский, человек замечательный. Сейчас я понимаю, что именно такие люди должны работать с детьми. Я его знал как руководителя изостудии. Значительно позже, став зоологом, я узнал, что он был автором научных работ по ядовитым змеям, до сих пор не утративших свою ценность. Один раз мы с ним ходили рисовать животных в зоопарк. Я был поражен его набросками и до сих пор помню рассказ Бориса Владимировича о том, как определить возраст черепахи. Больше всего меня восхитило, как он по памяти изобразил спинной и брюшной щиты ее панциря. Вообще он нам очень много рассказывал, и его рассказы касались и изобразительного искусства, и биологии, и истории. А время было военное, голодное. Может быть, именно поэтому впечатления от этих занятий особенно яркие...»

С 1938 г. Б. В. Пестинский становится действительным членом Союза советских художников Узбекской ССР по секции живописи. Он активно участвует в выставках художников Узбекистана. Его картины приобретают организации Ташкента. Картину «Жертвы войны» приобрел Дом офицеров в Ташкенте. Картину «Детство Навои» (возможно, картина называлась «Юность Алишера Навои») приобрел институт рукописей им. Сулейманова. В эти годы Б. В. Пестинский много работал в области портретной живописи как маслом, так и карандашом, писал этюды на природе. С 1938 г. он работал ассистентом на кафедре рисунка Средне-Азиатского индустриального института, где читал курс истории искусств и преподавал рисунок. В это же время он занимал должность руководителя изостудии Центрального дворца пионеров г. Ташкента.

Вообще Борис Владимирович Пестинский уделял много сил работе с детьми. Все вечера он проводил во дворце пионеров со своими учениками, они часто приходили в его семью, а родители учащихся советовались с ним по различным вопросам. В своей педагогической деятельности он особенно раскрылся, оставив плеяду учеников, верных его памяти и искусству.

У него было много учеников. Среди них – известные биологи:

В. Е. Гарутт, кандидат биологических наук, научный сотрудник Зоологического института АН СССР;

Н. В. Миронова, кандидат биологических наук, научный сотрудник Зоологического института АН СССР;

О. В. Петров, кандидат биологических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета;

В. М. Смирин, зоолог, художник-анималист.

Были у него ученики и в области живописи:

Н. Банников, преподаватель рисунка и живописи в Ташкентском пединституте;

В. Трудцин и В. Загвоздин, учителя рисования в общеобразовательных школах г. Ташкента;

А. Жильцова, художник-график;

В. И. Жмакин, живописец, заслуженный художник УзССР;

В. Кравцов, преподаватель в студии Дворца пионеров г. Ташкента;

В. М. Смирин, зоолог, художник-анималист.

Умер Борис Владимирович Пестинский 13 марта 1943 г. Ему только что исполнилось 42 года. Сейчас, при упоминании о Ташкенте, у людей «в возрасте» сразу всплывает словосочетание «Ташкент – город хлебный». Это название книги Александра Неверова, изданной в 1923 г., а также одноименного фильма, выпущенного у нас в 1967 г. На самом деле книга эта рассказывает о страшном голоде, который разразился в Поволжье в 1921–1922 гг., и о том, как герой повести подросток Миша Додонов едет добывать хлеб для своей матери и младших братьев. Но в 1943 г., в разгар Великой Отечественной войны, Ташкент отнюдь не был «городом хлебным». «Время было военное, голодное...», – упомянул в своих воспоминаниях о 1943 г. в Ташкенте Виктор Ган [3]. Об этом же, по воспоминаниям Валентины Алексеевны Иголкиной, рассказывали и другие люди, жившие в войну в Узбекистане. Борис Владимирович Пестинский умер от голода. Думаю, что вполне правдоподобным может быть предположение о том, что, будучи очень настроенным на детей, которым он преподавал, Борис Владимирович мог делиться с ними своим и без того скудным рационом. «А возможно, повлияли и укусы змей...» – говаривал папа Виктора Гана, вспоминая о своем друге. Пестинский похоронен в Ташкенте на Боткинском кладбище. В последний путь его провожал, в частности, и отец Виктора Гана.

Борис Владимирович Пестинский был реабилитирован посмертно 28 сентября 1989 г. прокуратурой Ленинграда.

Борис Владимирович Пестинский опубликовал несколько научных статей:

1. Пестинский Б. В. Пресмыкающиеся окрестностей Ленинграда // Живая природа. 1929. № 1. С. 24–29.

В этой статье Б. В. Пестинский достаточно подробно описал фауну земноводных и пресмыкающихся в окрестностях Лахты, их распространение там, биотопы, экологию и способы лова. Он отметил для этого региона обыкновенную гадюку, живородящую ящерицу, веретеницу, съедобных водяных лягушек, т. е. *Rana esculenta* (скорее всего, это *Pelophylax lessonae*), травяных и остромордых лягушек, обыкновенного тритона. Съедобных лягушек он находил в заливе у биостанции, в речках Юнтоловка и Каменка.

2. Пестинский Б. В. Работа с ядовитыми змеями в Ташкенте // Вестник Знания. Л.: Учпедгиз, 1937. № 3. С. 23–26.

3. Пестинский Б. В. Материалы по биологии ядовитых змей Средней Азии, их ловля и содержание в неволе // Труды узбекистанского Зоологического сада. Т. 1. Ташкент: Гостехиздат УзССР, 1939. С. 4–62.

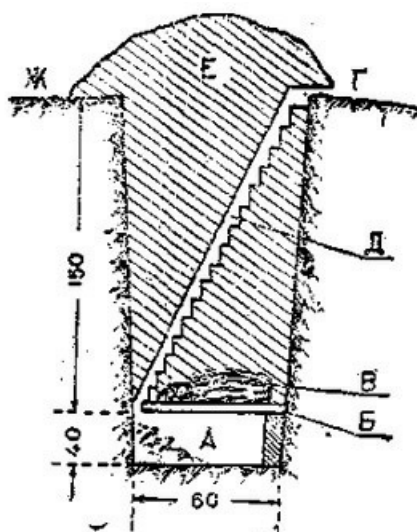
4. Компанцев Н. Н., Пестинский Б. В. Токсикологические данные о змеях Средней Азии // Труды узбекистанского Зоологического сада. Т. 1. Ташкент: Гостехиздат УзССР, 1939. С. 63–91.

В статьях № 2–4 Б. В. Пестинский подробно описывает окраску, экологию и другие стороны биологии ядовитых змей Средней Азии – кобры, гюрзы, эфы и щитомордника, способы их лова, содержания в неволе, методика ядовзятия, параметры получения яда в питомнике, характеристика яда, картины отравления,

способы оказания первой помощи и лечения от их укусов.

В статье «Материалы по биологии ядовитых змей Средней Азии, их ловля и содержание в неволе» (1939) есть кусок текста, в котором Б. В. Пестинский описывает зимовку, которую он соорудил для ядовитых змей в вольере Ташкентского зоопарка. Правда, это просто зимовка, а не контролируемая зимовка, которая была им построена позже в вольерах серпентария ИЗИПа.

«Нами с успехом применялись особые “зимовальные камеры”. Они были устроены в 1934 г., когда вольеры не имели цементного пола. Глубина камеры – 1.5 м от поверхности земли. Входом в камеру служил туннель, укрепленный кирпичами, с наклоном в 45°. Высота внутренней, подземной камеры была 20 см и площадь 70 x 60 см; потолок был сделан из толстых досок, уложенных на кирпичах и засыпанных сверху землей (рис. [4]). В камерах удачно перезимовали степные гадюки и щитомордник» (стр. 56).

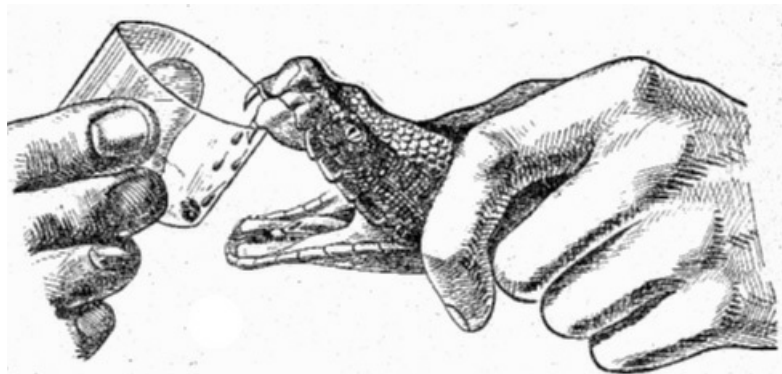
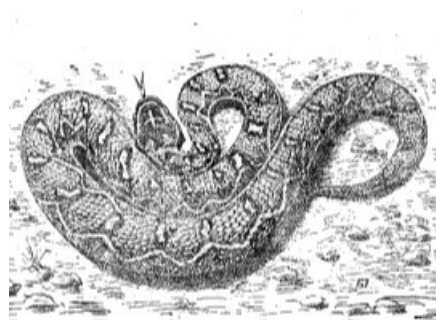

Разрез через зимовальную камеру: А – подземная камера, Б – ее потолок, В – веники и ветки, Г – входное отверстие, Д – входной туннель, К – холм над сооружением, Ж – уровень почвы

Section through the wintering chamber: А – underground chamber, В – it's ceiling, В – brooms and branches, G – entrance hole, D – entrance tunnel, K – hill above the building, F – soil level

Свои статьи Б. В. Пестинский иллюстрировал собственными рисунками. Их очень много. Вот только несколько примеров.

Большинство этих рисунков хорошо известны любителям рептилий, особенно старшего возраста. Они стали классическими, переходили из книги в книгу, но мало кто знал, что принадлежат они карандашу Бориса Владимировича Пестинского. Их отличают от рисунков других художников прекрасное знание змей, тщательная и верная прорисовка мелких, важных деталей, каждой чешуйки. Этим рисунки Б. В. Пестинского так узнаваемы. Его рисунки были включены и в классические книги акад. Е. Н. Павловского. Так, в более ранней его книге (Павловский, 1923), когда Пестинский еще не начал работать в Ташкенте, иллюстрации были явно выполнены другим

художником, намного хуже владевшим техникой рисования и меньше знакомым со змеями. А в более поздней книге (Павловский, 1942) рисунки по стилю определенно принадлежат руке Б. В. Пестинского, часть из них (они приведены выше) была взята из публикаций Пестинский, 1939; Кампанцев, Пестинский, 1939. Хотя сам Евгений Никанорович не указал в тексте фамилию художника-иллюстратора, но он упоминал о помощи в работе над его книгами, которую оказал сотрудник Ташкентского зоопарка Б. В. Пестинский.

5. Пестинский Б. В. Заметки о новых местонахождениях некоторых наземных позвоночных Средней Азии // Труды узбекистанского Зоологического сада. Т. 1. Ташкент: Гостехиздат УзССР, 1939. С. 137-138.

В этой статье Б. В. Пестинский высказывает свое мнение о некоторых видах рептилий. Хорасанская агама *Agama erythrogastra* не была внесена в список видов фауны СССР в определителе П. В. Терентьева и С. А. Чернова 1936 г. Но в том же 1936 г. три экземпляра этой агамы, пойманные в районе г. Кушки, были доставлены в Ташкентский зоопарк, а значит, эта агама должна быть включена в список фауны СССР.

Золотистая мабуя *Mabuja aurata* раньше была известна только из самых южных районов СССР. В Ташкентском же зоопарке жили экземпляры, пойманные в Джизаке.

Краснополосый полоз *Coluber rhodorhachis* был пойман во время земляных работ в Ташкенте, что, следовательно, является самой северной точкой обитания этого вида змей.

Поперечнополосатый волкозуб *Licodon striatus* был пойман в районе г. Чирчик, т. е., оказывается, он водится и в северном Узбекистане.

Экспедицией узбекистанского зоологического сада на реке Сумбар около г. Кызыл-Арват в Туркмении были пойманы 3 особи каспийской черепахи *Clemmys caspica*.

Сейчас, уже закончив эту статью, я удивляюсь, как пересекались жизненные пути Бориса Владимировича Пестинского и мой. Я, много занимавшийся ядовитыми змеями, тоже работал герпетологом в Ленинградском зоопарке. Правда, к сожалению, построенную им «Змеиную горку» я уже не застал, но она была в сфере моих профессиональных интересов. Переехав в Ташкент, я несколько лет работал в Ташкентском зоопарке руководителем как раз того самого отдела герпетологии, который был организован Борисом Владимировичем Пестинским. Позже я работал и в ИЗИПе, где в уличном вольере он построил контролируемую зимовку для гюрз, которой я очень интересовался. И похоронен он был на Боткинском кладбище, что находится максимум в полукилометре от дома, где я в Ташкенте жил... Только тогда я ничего не знал об этом замечательном человеке...

Заведующая отделом герпетологии Ташкентского зоопарка Фирюза Мирсалихова попробовала найти на Боткинском кладбище могилу Бориса Владимировича Пестинского. Увы! Могила не сохранилась! Да, было время, когда мы о многих людях забыли. Это очень жалко, но нужно по крайней мере сделать так, чтобы об этом замечательном человеке не забыли мы и наши потомки!

[1] Информация о Борисе Владимировиче Пестинском в основном взята из различных источников, опубликованных в Интернете. Все фотографии также взяты с разных ресурсов Интернета. Биография Б. В. Пестинского составлена на основе биографического очерка, написанного его супругой Татьяной Владимировной Пестинской при передаче его художественных работ в Русский музей.

[2] Академическое дело (Дело академиков, Дело Академии наук или Дело Платонова – Тарле) – уголовное дело, сфабрикованное ОГПУ против группы ученых Академии наук и краеведов в 1929–1931 гг. в Ленинграде, где до 1934 г. находилась Академия наук.

[3] Виктор Ган. Борис Владимирович Пестинский // <http://www.proza.ru/2010/11/28/1703>.

[4] В оригинальной статье этот рисунок имеет № 18. Рисунок Б. В. Пестинского.

Библиография

- Банников А. Г. и др. Жизнь животных. Т. 4. Ч. 2. Земноводные и пресмыкающиеся . Под ред. А. Г. Банникова. М.: Просвещение, 1969. 553 с.
- Банников А. Г. и др. Земноводные и пресмыкающиеся СССР . М.: Мысль, 1971. 303 с.
- Банников А. Г. и др. Определитель земноводных и пресмыкающихся фауны СССР . М.: Просвещение, 1977. 415 с.
- Баркаган З. С., Перфильев П. П. Ядовитые змеи и их яды . Барнаул, 1967. 76 с.
- Брэм А. Жизнь животных. Т. 4. Земноводные и пресмыкающиеся . СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1914. 785 с.
- Иголкина В. А. Террариум за 125 лет существования Санкт-Петербургского – Петроградского – Ленинградского зоопарка // Научные исследования в зоологических парках. М., 1990. Вып. 2. С. 22–37.
- Ильинский Ю. Б. За ядовитыми змеями . М.: Молодая гвардия, 1963. 176 с.
- Нариньяни С. Эфа // Рассказы о мужестве. М.: Молодая гвардия, 1936. С. 87–94.
- Недялков А. В сантиметре от смерти . Ташкент: Гослитиздат, 1962. 136 с.
- Недялков А. Опасные тропы натуралиста . М.: Мысль, 1970. 174 с.
- Орлов Б. Н. Зоотоксикология (Ядовитые животные и их яды) М.: Высшая школа, 1985. 280 с.
- Орлов Б. Н., Вальцева И. А. Яды змей. Ташкент: Медицина, 1977. 252 с.
- Павловский Е. Ядовитые животные и значение их для человека. Берлин; СПб.; М.: Изд-во Гржебина, 1923. 96 с.
- Павловский Е. Ядовитые животные Средней Азии и Ирана. Ташкент: Гос. изд. УзССР, 1942. 116 с.
- Пигулевский С. В. Ядовитые животные. Л.: Медицина, 1975. 376 с.
- Смирин В. М., Смирин Ю. М. Звери в природе . М.: МГУ, 1991. 256 с.
- Станюкович К. День в Тигровой Балке // Рассказ об одной экспедиции. М.: Географгиз, 1962. С. 67–72. рщдд
- Талызин Ф. Ф. За ядовитыми змеями по югу СССР . М.; Л.: Медгиз, 1939. 128 с.
- Талызин Ф. Ф. Змеи . М: Изд. АН СССР, 1963. 112 с.
- Терентьев П. В. Герпетология . М.: Высшая школа, 1961. 339 с.
- Терентьев П. В., Чернов С. А. Краткий определитель земноводных и пресмыкающихся . М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 96 с.
- Терентьев П. В., Чернов С. А. Определитель пресмыкающихся и земноводных . М.: Советская наука, 1949. 340 с.

FORGOTTEN NAMES: HERPETOLOGIST BORIS VLADIMIROVICH PESTINSKIY

**CHERLIN
Vladimir
Alexandrovich**

*D.Sc., Zoo, Saint-Petersburg (197198, Saint-Petersburg,
Aleksandrovsky park, 1), cherlin51@mail.ru*

Keywords:

Biography,
herpetology,
snakes

Received on:

14 November
2017

Published on:

05 December
2017

Summary: Boris Pestinskiy was the herpetologist whose name, unfortunately, is lost in history. We decided to restore justice, and in this article we describe the life of this remarkable person. He was really engaged both in painting and in herpetology. After graduating from the Academy of Arts in Leningrad he wrote mainly the portraits of his contemporaries, illustrated magazines, taught children to draw. Some of his paintings were placed in the Russian Museum. He also studied reptiles. He was devoted to Middle Asia and spent the main part of his life in Tashkent. In Tashkent's zoo he organized the department of reptiles and on the base of it the first in Middle Asia serpentarium. There poison was regularly taken from venomous snakes. Boris studied snakes' biology, methods of their capture, conditions of their keeping in captivity, organization of the work of the serpentarium. His students were the young men who later became prominent Russian biologists.